

УДК 81-112.4

DOI: 10.17223/19986645/64/2

Е.В. Генералова

ЛЕКСИКА ПРОСТОРЕЧНОГО ХАРАКТЕРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА XVI–XVII в.¹

Рассматривается возможность постановки вопроса о просторечии до возникновения литературного языка, критериях определения просторечного характера лексики в языке XVI–XVII вв., лексикографической интерпретации этой лексики в историческом словаре. База исследования – материалы «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» и картотеки этого словаря, отражающие процесс формирования общенародной обиходно-разговорной речи в сложном взаимодействии разных лексических пластов.

Ключевые слова: просторечие, разговорно-просторечная лексика, старорусский язык, историческая лексикология, историческая лексикография.

Введение. Просторечие как исторически изменчивое явление

Просторечие – динамическое явление, которое может быть интерпретировано в функциональном (как подсистема литературного языка) и в стилистическом (как окрашенные с точки зрения употребления языковые средства) отношении, и исследователи современного языкового материала достаточно последовательно разграничивают эти два аспекта, выделяя, с одной стороны, просторечие как подсистему национального языка, а с другой стороны, просторечие как стилистическую категорию [1, 2]. Достаточно часто понятие «просторечие» связывается с лексикой, в научной литературе распространен термин «разговорно-просторечная лексика» (см., например, [3]).

Ю.С. Сорокиным была выявлена неоднородность и историческая изменчивость содержания категории просторечия [4. С. 100], см. также [5. С. 76, 77]. Это очень важный тезис: меняются не только границы просторечия в процессе развития языка, но исторически меняется содержание категории просторечия.

Согласно выводам Г.П. Князьковой просторечие как функциональная система существует в русском языке с XVIII в. [6].

Предметом исследования настоящей статьи являются процессы, происходящие в языке предшествующего – старорусского – периода (XV–XVII вв.). Как показывает анализ языкового материала, памятники XVI–XVII вв.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-012-00224А «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (восьмой, девятый и десятый выпуски).

демонстрируют начало сложения просторечия как набора стилистически окрашенных языковых средств, и в старорусском языке можно выделить ряд элементов (в частности, лексических), составляющих основу будущего просторечия.

В настоящей статье рассматриваются вопросы:

- что следует понимать под просторечием в истории языка;
- каковы критерии выделения лексики такого рода в языке XVI–XVII вв.;
- какую лексикографическую интерпретацию эта лексика может получать в историческом словаре.

Лингвистической базой исследования послужили в первую очередь материалы вышедших 7 выпусков и хранящейся в СПбГУ картотеки «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (СОРЯ) [7] – совместного лексикографического проекта межкафедрального словарного кабинета Санкт-Петербургского государственного университета и Института лингвистических исследований РАН. Задуманный Б.А. Лариным «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» отражает процесс формирования общенародной обиходно-разговорной речи в сложном взаимодействии разных лексических пластов. СОРЯ, соответственно проекту Б.А. Ларина, опирается на большой круг памятников центра и периферии Московского государства: деловую письменность, демократическую светскую литературу, частную переписку, посадскую литературу, фольклорные произведения, русско-иностранное руководства для изучения русского языка того времени («разговорники») и др. [Там же. Т. 1. С. 5, 6].

Просторечие и критерии выделения лексики просторечного характера в старорусском языке, приемы лексикографирования такой лексики

Просторечие в истории языка (старорусский период)

Специфика исследования начального периода сложения национального языка заключается в том, что в языке этого времени отсутствует последовательное противопоставление литературных и внелитературных элементов. Это как раз время активной перегруппировки языковых средств и их стратификации в преддверии формирования литературного языка. Для этого периода едва ли возможно восстановление просторечия как системы и вообще сомнительно существование просторечия в функциональном отношении. Однако на разных языковых уровнях могут быть выделены стилистически окрашенные элементы – основа будущего просторечия.

Представляется, что исходным условием формирования просторечия как стилистической категории является именно бытовая, обиходная ситуация общения, в которой используется разговорная лексика. Как будет показано ниже, в памятниках старорусского языка становится возможным выделение языковых единиц, которые в силу обиходной, бытовой семантики или ситуации употребления развивают просторечную стилистиче-

скую окраску. Основой сложения просторечия выступает в первую очередь лексика, поэтому лексическое просторечие – самая заметная и в первую очередь формирующаяся часть этого стилистического пласта.

Однако границы разговорной лексики и просторечия не могут быть строго очерчены в этот период, тем более затруднительно четкое отделение просторечия от собственно разговорных элементов в старорусском языке. На наш взгляд, справедлива точка зрения Б.А. Ларина, который подчеркивал, что в диахронии термин «просторечие» «означал не сниженную, а общую разговорную речь в противоположность книжному письменному языку» [8. С. 5, 6]. Массив разговорной лексики может быть намечен скорее путем отрицания, за счет выделения нехарактерных для разговорного языка элементов.

XVI–XVII вв. – это время сложения стилистической дифференциации в русском языке. По сравнению со складывающейся лексикой бытового общения начинают выделяться отдельные, различающиеся по условиям использования, группы лексики. В «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» для маркировки таких стилистически окрашенных пластов лексики используются следующие функционально-стилистические пометы: *Книжн.-церк.* (книжно-церковное), *Дел.* (деловое), *Высок.-офиц.* (высокоофициальное), *Фolk.* (фольклорное) (подробнее см. [9. С. 28–29]). Соответственно, разговорная лексика, включающая зарождающееся просторечие, выступает как немаркированный фон этих окрашенных элементов, на котором они становятся заметны.

Таким образом, просторечие в донациональный период развития языка – это стилистическая категория, а не функциональная система, и даже не всегда сложившаяся стилистическая категория, а отдельные стилистические элементы (прежде всего, лексические) – разговорная лексика, использующаяся в бытовой ситуации общения.

В настоящей статье сделана попытка определения ряда не отрицательных, а положительных характеристик – критериев выделения лексики просторечного характера.

Критерии выделения лексики просторечного характера в памятниках старорусского языка

Для дифференциации в памятниках старорусского языка лексических элементов, тяготеющих к просторечию, нами предлагаются следующие критерии. Следует подчеркнуть, что эти критерии взаимосвязаны и, как правило, имеет место сочетание нескольких признаков.

Лексико-семантический критерий

Лексико-семантический критерий является важнейшим при формировании просторечного характера отдельных лексических единиц. О просторечном характере лексемы может свидетельствовать ее ***бытовая темати-***

ка, отнесенность к сфере повседневности: например, *пегашика*, *голублик* – обозначения коней соответствующей масти (*Покрадено у него двѣ пегашики три голублики а всего восемь лошадеи разны масти*) (Сл. Нерч., 1679 г.), *забеливать* ‘добавлять в пищу молоко, сливки или сметану’ (*Питье – чай, а слово неведомо какова дерева лист, неведомо травяной, лист в воде варят да забеливают молоком*) (Сл. Сибир., 1639 г.), *безпута* ‘бездорожье, распутица’ (*Потому де онъ [И. Жуков] замѣшкаль, что Иваново залѣсное помѣстье отъ Арзамаса версть со сто, а была безпута*) (Сид, 73, 1633 г.), *блекотать* ‘об овце, козе: кричать, блять’ (*И нападе на нея бес во время переноса, учала кричать и вопить, собакою лаять, и козю блекотать, и кокушкою коковать*) (Авв. Ж., 118, 1675 г.), *кап* ‘действие по глаголу *капать*’ (*Сверху кап беспрестанный*) (Сл. Сибир., 59, 1652 г.).

Многие тексты старорусского периода содержат значительное количество ранее не зафиксированных в письменности лексем конкретной и бытовой тематики. Е.М. Иссерлин подчеркивает, что основной путь обогащения языка конкретной лексикой во второй половине XVII в. выражался именно в широком усвоении народного словаря [10. С. 24]. Исследователи языка XVI–XVII вв. (см. [10–13] и др.) приходят к выводу, что складывающиеся и активно пополняющиеся тематические группы слов содержат многие слова из народно-разговорного языка: см. лексемы и устойчивые сочетания, обозначающие домашнюю утварь (*высытка*, *достокан*, *бадейка*), предметы обихода (*ароматник*), одежду и обувь (*рубашонка*, *армяк*), украшения (*двоенцы*, *голубцы*), кушанья (*буза*, *буженина*, *горох битый*), постройки и их части (*житница*, *замет*) и др. Однако разграничение разговорной и просторечной лексики на материале памятников этого периода еще затруднительно. Безусловно, принадлежность слова к конкретной бытовой лексике не означает ее просторечный характер, но может указывать на него в сочетании с другими факторами.

Семантический критерий

К просторечию тяготеет *слова с комплексно-нерасчлененным значением*: например, существительные *всячина*, *диковина*, прилагательное *всякий* (в том числе в устойчивом сочетании *всякий разный (розный)*). См.: *Поди посмотри моего товару есть в мене всячины [wsatziny] полно* (Аноним. разг., 85 об., 1568 г.); *Обломокъ камени Катеринка сказала дуб лежал в водѣ и окаменел а она держала у себя для диковины* (МДБП, 271, 1643 г.); *Всякие многия начальные ратные люди в город приежжают и всячину купят* (В-К V, 125, 1658 г.); *Приехали те богдойские воинские люди со всяким огненным боем, с пушки пицальми, и знамена у них всякой розной цвет* (Сл. Сибир., 25, 1655 г.).

В некоторых случаях просторечный характер отмечается *при образовании у нейтральных слов переносных ситуативных значений*. Например, глагол *вынести*, основная семантика которого ‘неся, удалить откуда-л.’ известен в памятниках народно-разговорного языка и со значением ‘похи-

тить украсть' (*Лихие люди, тати, что было у меня [крестьянки Прасковьи] хлѣбца, и то все ис клити вынесли без остатку, и пить, гъсти мнѣ съ сынишкомъ стало нѣчево, помираю голодомъ*) (ЧО, 87, 1673 г.), глагол *выдрать*, основная семантика которого 'силой вырвать, выдернуть' известен и с переносным значением просторечного характера 'с трудом добиться получения, взыскания (долга)' (*И за тѣ днги хозяин ниш Фома Библин выдал ему Алексью кабала на греченина на Ивана Александрова в двухсот в двацети в трех рублех в двацети в пяти алтынех велел тѣ днги выдарав (!) заплатит ему Мартыну*) (МДБП, 75, 1667 г.).

Часто у лексических единиц, тяготеющих к просторечию, наблюдается **семантика интенсификации** или **преувеличения**, что характерно для разговорной речи: *дико* 'очень, в значительной степени' (*Дико ты уперлесь / уперси, что мнѣ товару не продашь* (Разг. Фенне, 357, 1607 г.), *А овесь у нас вызяб болно да не соспѣль* (Гр. № 137, 1696 г.)).

Разговорный характер приобретают лексемы при **ситуативно метонимическом употреблении**. В таких случаях лексические единицы обиходного языка развивают контекстуально широкую, фактически же ситуативную, характерную для разговорной речи, семантику: *зубы* 'зубная боль' (*Трава сказала пьют от зубов*) (МДБП, 1643 г.), *лошади* 'возмещение за утерю лошадей' (*И с тех мест и по ся места тех моих лошадеи не платит*) (Южн. челоб., 1644 г.) и т.п. Здесь применительно как к фактам истории языка, так и к современной разговорной речи следует говорить об использовании имен ситуаций, значение которых мотивировано употреблением.

Функциональный критерий

При выделении лексики просторечного характера важна ее обиходность, **отнесенность к сфере повседневного общения**, и продуктивным в будущем было бы выделение набора таких ситуаций. См., например, фиксацию формул речевого обихода:

В составе формул речевого этикета. > *Жив здоров*. Пожелание здоровья при прощании. *Miley moy nemtzin po gedi sbohom da siw sdorow* [милый мой немчин, поеди с Богом да жив здоров]. *Mün liüwer dytzer Reüise Ihn namen gottes vnd lewe gesund* [пожелание доброго пути] (Аноним. разг., 43, сер. XVI в.) > *Будь здоров*. То же. *Vudi sdorow* [будь здоров] *Lewe gesunndt* (Аноним. разг., 21, сер. XVI в.) > *Здоров парился*. Пожелание в бане. *Sdorow parylsa* [здоров парился] *Gott gesegne die dat badt* [пожелание в бане] (Аноним. разг., 20 об., сер. XVI в.), *Здоров ты парившись* [*sdoroff ty paryffzis, woll bekahme idt dy na dem bade*] [пожелание в бане] (Разг. Фенне, 196, 1607 г.).

В жанровом отношении выделяются памятники, в которых часто фиксируются лексемы просторечного характера в связи с конкретными ситуациями. Ценнейшие тексты – это разговорники, составленные иностранными купцами, руководства по изучению русского языка. С.И. Котков под-

черкивал, что наиболее информативным является исследование частной переписки и допросных речей [14. С. 4].

Стилистический критерий

С одной стороны, стилистическая окраска является важным признаком просторечия как стилистической категории (в частности, признаком просторечной лексики), с другой стороны, стилистический критерий сложен для учета при анализе диахронического материала, так как само формирование употребительности, прикрепленности лексических единиц к определенным контекстам происходит именно в этот период.

Что касается эмоционально-экспрессивной окраски лексем в этот период, в ряде случаев *наличие экспрессивности* очевидно: так, в памятниках народно-разговорного языка фиксируется целый ряд тяготеющих к просторечию ситуативно использующихся экспрессивных лексем и устойчивых сочетаний, обладающих тенденцией преимущественно бранного употребления (*дурак, черт, шишимора деревенский, жюпик*) и, напротив, использующихся в функции ласкательных обращений (*голубчик, голубушка, дитятко*). Такая лексика, очевидно, обладала оценочностью, где категорию оценочности, вслед за В.Н. Телия, интерпретируем в широком аспекте: «...оценочное значение в самом общем понимании – это информация, содержащая сведения о ценностном отношении субъекта речи к определенному свойству обозначаемого» [15. С. 110].

Словообразовательный критерий

Достаточно показателен словообразовательный критерий, т.е. обнаруживаются *определенные морфемы*, а также *словообразовательные модели, предопределяющие просторечный характер лексики*. Так, именно в разговорном языке идет образование существительных женского рода от соответствующих лексем м.р. с суффиксом *-их-*: *доктуриха* ‘жена доктора’ (*И в то де время увидела доктуриха что она [Марфа] соль ukrала*) (МДБП, 286, 1671 г.), *бобылиха* ‘ж. к бобыль’ (*Во дворе вдова Федосьица... во дворе Ефимко Горохов да бобылиха непашенная*) (А. Солов. м., 201, 1583 г.). Примерами характерных разговорных моделей может служить образование приставочных эквивалентов наречий (*забыль* ‘по-настоящему, как полагается, на самом деле’, *задавно, задалеко, вполинно*), глаголов с двойными приставками (*поза-, недо-*), существительных женского рода с суффиксом *-к-* (*забирка, завертка, заварка, завеска*) и т.д. Типично образование разговорных уменьшительных синонимов к нейтральным словам (с суффиксами *-к-, -ец-, -ик-, -ок, -ушк-, -еньк-* и др.); это характерная примета разговорной речи (например: *Подголовокъ окованыи а в нем... мошенка тафтяная сшита мешечкомъ, снурочковъ золотных два остаточка*) (Якут. а., карт 5, № 8, сст. 4, 1643 г.). Такие слова часто не имеют уменьшительной семантики, это псевдоуменьшительные лексемы, типичные и

для современной разговорной речи (например, *печка* – *печь*). В ряде случаев затруднительна дифференциация таких лексем со словами, включающими суффиксы, имеющими действительно уменьшительное или уничижительное значение (см. *заборец* ‘уменьш. к *забор*’ или ‘то же, что *забор*?’).

Критерий соотнесенности

Дополнительным критерием выявления лексики просторечного характера может быть наличие синонимичного более нейтрального слова в аналогичных контекстах (*денежки* – *деньги*, *бабенцо* – *баба*), но этот критерий не может быть абсолютизирован для русского языка периода XVI–XVII вв.

Лексикографирование лексики просторечного характера в историческом словаре толкового типа

Постановка таких помет, как *просторечное*, *простонародное* и т.п., в историческом словаре донационального периода не представляется возможной в силу того, что в языке донационального периода просторечные лексические элементы характеризуются не сниженностью (по сравнению с литературным языком – как в современном языке), а разговорностью (по сравнению с маркированными книжными и деловыми элементами). При этом выводы о составе разговорной речи этого периода делаются исключительно по письменным источникам, т.е. разговорная речь не может быть восстановлена как полноценная система, соответственно, недостаточно аргументов для очерчивания границ разговорной речи в языке XVI–XVII вв., тем более, для разграничения просторечия и разговорной речи.

Слова с нерасчлененным значением, которые приложимы фактически к любому объекту разговорной речи, должны получать лексикографическое описание в соответствии с их общей, свойственной разговорной речи семантикой, т.е. максимально широкое, неконтекстное толкование: *всячина* ‘разные вещи, предметы; всё что угодно’, *диковина* ‘нечто удивительное, необыкновенная вещь’, *всякий* ‘различный, разнообразный’.

Разговорная семантика должна быть обязательно выделена в семантической схеме слова, вполне обоснована постановка при таких значениях пометы *перен.*, например:

ВЛЕПИТЬ... 2. *перен.* Нанести удар. Воевода Никита Олферьевич о том велми печаловал что ево [строителя] тща опустил и кнута в спину не влѣпил (Гр. № 454, 1699 г.).

В словарях современного русского языка такие экспрессивные переносные значения могут интерпретироваться уже как оторвавшиеся от первоначального, т.е. как омонимы, и справедлива постановка пометы *прост.*, *простореч.* при них: см. выделение омонимов *больно* ‘причиняя боль,

ощущая боль (физическую или душевную) и *больно* ‘очень, весьма, сильно’ в «Словаре современного русского языка» [16. Т. 1. С. 106]. В историческом же словаре, в частности в словаре, демонстрирующем сложение национального языка, принципиально как раз представление формирования полисемии и рассмотрение расходящихся значений в рамках одной словарной статьи.

Отдельного внимания в связи с лексикографической практикой заслуживают разговорные употребления: они должны быть выделены в корпусе словарной статьи и интерпретированы по возможности с описанием ситуации, позволяющей восстановить контекстуальную семантику. См.:

ДРОВИШКИ и **ДРОВИШКА**, *мн.* (7) *Уничиж.* → **дрова 1.** ... – *О заготовке дров.* Умилостивися, г[осударь], надо мною [курмышанином Н. Саймоновым], вели г[осударь], пустить крестьянишек моих в свой в боярской лес для дровишек (АХБМ II, 1660 г.).

Если в языковом материале фиксируются формулы речевого обихода, то следует подробно описывать условия бытования таких формул.

Лексикографическая интерпретация эмоционально-экспрессивного просторечия может осуществляться с помощью соответствующих стилистических помет (например, *бран.*, *ласк.*, *уничиж.*) или описательного толкования (*брякнуть* ‘с силой бросить, вызвав шум’, *грянуть* ‘с грохотом упасть’).

Выводы

1. Таким образом, по материалам памятников русского языка XVI–XVII вв. возможно и продуктивно изучение лексики народно-разговорного языка, элементов просторечия, складывающегося как система в русском языке XVIII в. На наш взгляд, просторечие в донациональный период развития языка – это еще не функциональная система, а стилистическая категория в виде отдельных стилистических элементов, прежде всего лексических. В период, предшествующий образованию литературного языка, невозможно отделение разговорной лексики, используемой в бытовой ситуации общения, от формирующегося просторечия.

2. При выделении лексики просторечного характера следует принимать во внимание ряд критериев: лексический (принадлежность к группе бытовой и конкретной лексики), семантический (комплексно-нерасчлененная семантика лексем, образование у нейтральных слов переносных ситуативных значений, ситуативные употребления), функциональный (отнесенность к сфере повседневного общения, обиходность ситуации), стилистический (сфера функционирования, наличие эмоционально-экспрессивной окраски), словообразовательный (образование по определенным моделям), критерий соотношенности.

3. В историческом словаре донационального периода невозможна постановка пометы *простореч.* Обязательно должны выделяться в корпусе словарной статьи ситуативные переносные значения и ситуативные употребления как зачатки зарождающихся и обнаруживающихся в современном языке структур. Допустимы стилистические пометы (*экспр., бран., ласк., уничиж.*), экспрессивный компонент значения может передаваться также с помощью описательных толкований.

4. Важно, что отмеченные свойства во многом являются универсальными свойствами разговорной речи как отдельной языковой разновидности, поскольку они отмечаются и в диахронии, и в современной разговорной речи.

Сокращения названий источников

Авв. Ж.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под. ред. Н.К. Гудзия. М., 1960.

Аноним. разг.: «Ein Rusch Boeck...» Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrhundert / hrsg. von A. Fałowski. Köln ; Weimar ; Wien, 1994.

А. Солов. м.: Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. // Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв. / сост. И.З. Либерзон. Л., 1990.

АХБМ II: Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова / под общ. ред. А.И. Яковлева. М. ; Л., 1945. Ч. 2.

В-К V: Вести-Куранты 1651, 1652, 1654, 1656, 1658, 1660 гг. / изд. подг. В.Г. Демьянов ; отв. ред. В.П. Вомперский. М., 1996.

МДБП: Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / изд. подг. С.И. Котков, А.С. Орешников, И.С. Филиппова. М., 1968.

Разг. Фенне: Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov, 1607 / ed. by L.L. Hammerich, R. Jakobson. Vol. 2: Transliteration and Translation. Copenhagen, 1970.

Сл. Сибир.: Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / сост. Л.Г. Панин. Новосибирск, 1991.

СлД: Новомбергский Н. Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Т. 1 // Зап. Моск. археолог. ин-та. М., 1911. Т. 14.

Сл. Нерч. I: Исторический словарь Восточного Забайкалья: по материалам нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв. / сост. Г.А. Христосенко, Л.М. Любимова. Чита, 2003. Т. 1.

ЧО: Арсеньев Ю.П. Ближний боярин князь Н.И. Одоевской и его переписка с Галицкою вотчиною (1650–1684 гг.) // Чтения ОИДР. 1902. Кн. 2, отд. 1: Челобитные из Покровской вотчины к кн. Н.И. и Я.Н. Одоевским.

Южн. челоб.: Памятники южновеликорусского наречия: Челобитья и расспросные речи / изд. подгот. С.И. Котков, Н.С. Коткова, Т.Ф. Ващенко, В.Г. Демьянова. М., 1993.

Якут. а.: Якутские акты 1638–1647 гг. // НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Карт. 1–7.

Литература

1. *Капанадзе Л.А.* Современное городское просторечие и литературный язык // Городское просторечие: Проблемы изучения / отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев. М., 1984. С. 5–12.

2. *Химик В.В.* Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2000. 272 с.

3. Свиридова Е.А. Взаимодействие книжной и разговорно-просторечной лексики в современной прессе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мичуринск, 2013. 26 с.
4. Сорокин Ю.С. Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М. ; Л., 1949. С. 95–160.
5. Семенов П.А. Ю.С. Сорокин о русском просторечии XVIII в. // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. СПб., 2013. Т. 9, № 2. С. 75–92.
6. Князькова Г.П. Русское просторечие второй половины XVIII в. Л. : Наука, 1974. 253 с.
7. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. СПб. : Наука, 2004–2016, Т. 1–7.
8. Ларин Б.А. Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 22–34.
9. Инструкция «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» // Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 4: Гагара–Гуца / ред. О.С. Мжельская. СПб., 2014. С. 5–43.
10. Иссерлин Е.М. Лексика русского литературного языка XVII века : материалы к курсу «История русского литературного языка». М. : Моск. полигр. ин-т, 1961. 80 с.
11. Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1956. 243 с.
12. Мжельская О.С. Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси (по данным иностранных руководств для изучения русского языка). СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 220 с.
13. Судаков Г.В. История русского слова. Вологда : Изд. центр ВИРО, 2010. 336 с.
14. Котков С.И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М. : Наука, 1974.
15. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. : Наука, 1985. 143 с.
16. Словарь современного русского языка : в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. М. : Рус. яз., 1981.

Russian Colloquial Vocabulary of the Late 16th and the 17th Centuries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 64. 30–41. DOI: 10.17223/19986645/64/2

Elena V. Generalova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation), Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: elena-generalova@yandex.ru

Keywords: vernacular, colloquial and vernacular lexicon, Old Russian language, historical lexicology, historical lexicography.

This study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-012-00224A.

The aim of the article is to detect lexical elements making the basis of future colloquial speech in the light of research of the colloquial speech formation in Old Russian. Colloquial speech is a dynamic phenomenon which can be interpreted from the functional (as a subsystem of the standard language) and stylistic (as language means) points of view. Heterogeneity and historical variability of the colloquial speech category are important. The material of the research is formed by seven volumes of the *Dictionary of the Russian Vernacular of Muscovite Rus of the 16th–17th Centuries* and its card file stored in Saint Petersburg State University. The course of the research assumed finding answers to the following questions: What is the status of colloquial speech in the history of language? What are the criteria for distinguish-

ing colloquial lexicon in the Russian language of the 16th–17th centuries? What lexicographic interpretation should this lexicon have in a historical dictionary? To answer these questions, the following methods were used: an introspective method (observation, generalization, analysis, classification), a method of a systematic lexicographic description by dictionary parameters, a method of dictionary definition analysis. As a result of the analysis, the following conclusions were drawn: (1) Colloquial speech during the pre-national period of Russian is not a functional system yet (as a system it can be reconstructed only from the 18th century), but a stylistic category in the form of separate elements, first of all, lexical. During this period, colloquial lexicon used in everyday communication cannot be separated from the emerging vernacular. (2) When detecting words of a colloquial nature, it is necessary to take into account a number of criteria (and their combination): a lexico-semantic criterion (the colloquial character of lexicon is indicated by the everyday or complex semantics of lexemes, figurative colloquial situational sense of a neutral word); a functional criterion (the sphere of daily communication, the ordinariness of a situation; the type of text is important: the greatest number of words of a colloquial nature is found in phrasebooks, recordings of interrogations, private letters); a stylistic criterion; a word-formation criterion (derivation according to specific models); the criterion of correlation with a neutral equivalent. (3) The lexicographic interpretation of this material in the historical dictionary of the pre-national period cannot include labels “vernacular” or “colloquial”. General stylistic labels indicating emotional and expressive coloring of a lexeme is possible, this expressive and intensive component of meaning can also be indicated through a descriptive interpretation. Situational figurative senses and situational uses as rudiments of structures emerging in the modern language must be given in the dictionary.

References

1. Kapanadze, L.A. (1984) *Sovremennoe gorodskoe prostorechie i literaturnyy yazyk* [Modern Urban Vernacular and Standard Language]. In: Zemskaya, E.A. & Shmelev, D.N. (eds) *Gorodskoe prostorechie: Problemy izucheniya* [Urban Vernacular: Problems of Study]. Moscow: Nauka. pp. 5–12.
2. Khimik, V.V. (2000) *Poetika nizkogo, ili prostorechie kak kul'turnyy fenomen* [Poetics of the Low, or Vernacular as a Cultural Phenomenon]. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University.
3. Sviridova, E.A. (2013) *Vzaimodeystvie knizhnoy i razgovorno-prostorechnoy leksiki v sovremennoy presse* [The Interaction of Book and Vernacular Vocabulary in the Modern Press]. Michurinsk: AKD.
4. Sorokin, Yu.S. (1949) *Razgovornaya i narodnaya rech' v "Slovare Akademii Rossiyskoy"* [Conversational and Popular Speech in the “Dictionary of the Russian Academy”]. In: *Materialy i issledovaniya po istorii russkogo literaturnogo yazyka* [Materials and Studies on the History of the Russian Standard Language]. Moscow; Leningrad: Institute of Russian Language of the Academy of Sciences. pp. 95–160.
5. Semenov, P.A. (2013) Yu.S. Sorokin o russkom prostorechii XVIII v. [Yu.S. Sorokin on the Russian Vernacular of the 17th Century]. *Acta linguistica Petropolitana*. 9 (2). pp. 75–92.
6. Knyaz'kova, G.P. (1974) *Russkoe prostorechie vtoroy poloviny XVIII v.* [Russian Vernacular in the Second Half of the 18th Century]. Leningrad: Nauka.
7. Generalova, E.V. et al. (eds) (2004–2016) *Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Vernacular of Muscovite Rus of the 16th–17th Centuries]. Vols 1–7. St. Petersburg: Nauka.
8. Larin, B.A. (1961) *Razgovornyy yazyk Moskovskoy Rusi* [Spoken Language of Muscovite Rus]. In: Larin, B.A. (ed.) *Nachal'nyy etap formirovaniya russkogo natsional'nogo yazyka* [The Initial Stage of the Formation of the Russian National Language]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 22–34.

9. Mzhel'skaya, O.S. (ed.) (2014) Instruksiya "Slovarya obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv." [Instruction of the Dictionary of the Russian Vernacular of Muscovite Rus of the 16th–17th Centuries]. In: *Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Vernacular of Muscovite Rus of the 16th–17th Centuries]. Vol. 14. St. Petersburg: Nauka. pp. 5–43.
10. Isserlin, E.M. (1961) *Leksika russkogo literaturnogo yazyka XVII veka. Materialy k kursu "Istoriya russkogo literaturnogo yazyka"* [The Vocabulary of the Russian Literary Language of the 17th Century]. Moscow: Mosk. poligr. in-t.
11. Chernykh, P.Ya. (1956) *Ocherk russkoy istoricheskoy leksikologii* [Essay on Russian Historical Lexicology]. Moscow: Moscow State University.
12. Mzhel'skaya, O.S. (2003) *Leksika obikhodno-razgovornogo yazyka Moskovskoy Rusi (po dannym inostrannykh rukovodstv dlya izucheniya russkogo yazyka)* [Vocabulary of the Vernacular Language of Muscovite Rus (According to Foreign Manuals for Studying the Russian Language)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
13. Sudakov, G.V. (2010) *Istoriya russkogo slova* [History of the Russian Word]. Vologda: Izd. tsentr VIPO.
14. Kotkov, S.I. (1974) *Moskovskaya rech' v nachal'nyy period stanovleniya russkogo natsional'nogo yazyka* [Moscow Speech in the Initial Period of the Formation of the Russian National Language]. Moscow: Nauka.
15. Teliya, V.N. (1985) *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits* [The Connotative Aspect of the Semantics of Nominative Units]. Moscow: Nauka.
16. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981) *Slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Modern Russian Language: In 4 Volumes]. Moscow: Russkiy yazyk.